

ИДЕАЛЬНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

ЛИЗА
ГАРДНЕР

ЛИЗА
ГАРДНЕР

СТРАННЫЙ
СОСЕД

Москва
2016

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г20

Lisa Gardner
THE NEIGHBOR

Copyright © 2009 by Lisa Gardner, Inc.

Оформление серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на переплете *Ф. Барбышева*

Фото автора на переплете © Philbrick Photography

Гарднер, Лиза.

Г20 Странный сосед / Лиза Гарднер ; [пер. с англ. С. Н. Самуилова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 448 с. — (Лиза Гарднер. Идеальный детектив).

ISBN 978-5-699-85483-7

Молоденькая школьная учительница Сандра Джонс бесследно пропала. Исчезла посреди ночи прямо из дома, где жила со своей семьей — мужем и четырехлетней дочкой. В спальне остались следы борьбы. Дочка крепко спала и ничего не слышала. Муж сказал, что был в это время на работе в ночной смене и тоже ничего не знает. Итак, кто мог похитить молодую женщину, а главное, зачем? Сержант полиции, красавица и умница Ди-Ди Уоррен, ведущая расследование, чувствует, что преступник где-то совсем близко. Взять хотя бы мужа Сандры — донельзя странный субъект с остановившимся взглядом и не выражающим ни единой эмоции лицом. У этого типа явно есть темное прошлое. А главное, в соседнем доме живет бывший арестант, осужденный в свое время за изнасилование... Муж или сосед? Ди-Ди уверена, что вот-вот отыщет след...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Самуилов С.Н., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-85483-7

ГЛАВА 1 ■

Мне всегда было интересно, что чувствуют люди в последние часы жизни. Знают ли, что их ждет нечто ужасное? Чувствуют ли приближение трагедии, собирают вокруг себя любимых и близких? Или такие вещи просто случаются? Многодетная мать укладывает своих четырех детишек — утром рано встать, постирать не успела, печь как-то странно гудит — и лишь в последний момент слышит странный скрип в коридоре. Девочка-тинейджер, мечтающая о воскресном свидании с Самым Лучшим Другом, вдруг открывает глаза и обнаруживает, что уже не одна в комнате. Глава семейства вскидывается посреди ночи — какого еще?.. — и получает молотком между глаз.

В последние шесть часов того мира, каким я его знаю, я готовлю обед для Ри. Макароны «крафт» с сыром и кусочками сосиски. Нарезаю яблоко. Она выедает хрустящую белую мякоть, оставляя улыбающиеся полукружья красной кожуры. Говорю, что все питательные вещества находятся как раз в кожуре. Ри закатывает глаза — словно ей не четыре, а четырнадцать. Мы уже поспорили из-за одежды — ей нравятся короткие юбочки, мы с ее отцом предпочитаем длинные платья; она желает бикини, мы настаиваем на цельном купальнике.

Если так пойдет и дальше, через несколько недель она, чего доброго, потребует ключи от машины.

После ужина Ри заявляет, что желает отправиться на чердак — «поохотиться за сокровищами». Я говорю, что нам пора в ванную — принять души, как заведено еще с тех пор, когда Ри была малышкой. Ванна у нас старая, на ножках. Дочка намывает двух Барби и резиновую принцессу-уточку. Я мою ее саму. К концу процедуры мы обе пахнем лавандой, а ванная, выложенная черной и белой плиткой, заполнена паром.

После душа — мой любимый ритуал. Мы заворачиваемся в большие полотенца, стрелой пролетаем прохладный холл и спешим к Большой Кровати в нашей с Джейсоном комнате, где ложимся рядышком, укрывшись целиком одеялом, но высунув пальчики ног. Тигрово-полосатый кот, Мистер Смит, запрыгивает на кровать и смотрит на нас большими золотисто-желтыми глазами. Длинный хвост чуть заметно подрагивает.

— Что тебе сегодня понравилось больше всего? — спрашиваю я у дочери.

Ри морщит носик.

— Не помню.

Мистер Смит пробирается к спинке кровати, находит удобное местечко и принимается за свои дела. Он уже знает, что будет дальше.

— А мне больше всего понравилось, как мы пришли из школы и крепко-крепко обнялись...

Я — учительница. Сегодня среда. По средам я прихожу домой около четырех. Джейсон уходит в пять. Ри к такому распорядку уже привыкла. Папочкино время — день, мамочкино — вечер. Мы не хотели, чтобы нашего ребенка воспитывали чужие люди, и сделали так, чтобы вышло по-нашему.

— Можно посмотреть кино? — спрашивает Ри. Спрашивает всегда. Дай волю — она и жила бы с DVD-плеером.

— Никакого кино, — спокойно отвечаю я. — Расскажи про школу.

— Ну, совсем коротенькое, — не уступает она и, подумав, объявляет: — «Овощные истории».

— Никакого кино, — повторяю я и, выпростав из-под одеяла руку, щекочу ее под подбородком. На часах почти восемь, она устала, капризничает, а мне хотелось бы избежать суматохи перед сном. — Расскажи про школу. Что у тебя было на полдник?

Она высвобождает руки и тоже щекочет меня под подбородком.

— Морковка!

— Неужели? — Я щекочу ее за ушком. — И кто же ее принес?

— Хейди!

Она пытается добраться до моих подмышек, но я ловко блокирую этот маневр.

— Рисуем или играем?

— Играем!

Ри сбрасывает полотенце и кидается на меня, щекоча везде, куда только удастся пробраться ее быстрым, шаловливым пальчиком, — последний всплеск энергии перед полным коллапсом. Я оттесняю ее к краю и, смеясь, скатываюсь с кровати и шлепаюсь на деревянный пол. Она заливается, а Мистер Смит протестующе мяукает и, не дождавшись завершения нашего вечернего ритуала, резво устремляется к двери.

Я достаю длинную футболку для себя и ночнушку с Ариэль для дочери. Мы вместе чистим зубы перед овальным зеркалом и одновременно сплевываем — ей так нравится. Две сказки, песенка и половинка «Бродвей-шоу» —

и я наконец укладываю дочурку в постель. Она крепко обнимает Крошку Банни. Мистер Смит сворачивается у нее в ногах.

На часах половина девятого. Теперь наш домик официально в моем распоряжении. Я сажусь к столу в кухне. Пью чай и проверяю тетрадки, спиной к компьютеру — чтобы не отвлекаться. Часы с котом — Джейсон купил их для Ри на Рождество — громко мяукают, и эхо гулко, словно в пустом помещении, разносится по нашему двухэтажному, 50-х годов постройки, бунгалу.

Ногам холодно. Март в Новой Англии — месяц достаточно холодный. Надо бы надеть носки, но лень вставать.

Четверть десятого. Время вечернего обхода. Я запираю заднюю дверь, проверяю деревянные иттырьки в оконных рамах. Мы живем в Южном Бостоне, в скромном районе для среднего класса — с обсаженными деревьями улицами и уютными семейными парками. Здесь много детей, много выкрашенных белым заборчиков из итакетника.

Я проверяю замки и на всякий случай закрепляю окна. На то у нас с Джейсоном свои причины.

Снова стою у компьютера. Руки так и чешутся. Говорю себе, что пора ложиться. Предупреждаю — только не садись. Думаю, что все равно это сделаю. Всего на минутку. Проверю почту. Что тут плохого?

В последний момент находится сила воли, о которой я даже не подозревала. Выключаю компьютер. Такова семейная традиция: прежде чем лечь спать, выключи компьютер.

Компьютер, как все знают, это портал, точка входа в ваш дом. А может, об этом знают не все.

Что ж, кто не знает, тот скоро узнает.

Десять часов. Я оставляю свет в кухне — для Джейсона. Он не позвонил — наверное, работы хватает. Всё в порядке, говорю я себе. Занят — значит, занят. Иногда мне кажется, что мы молчим все больше и больше. Такое бывает. Особенно когда у вас маленький ребенок.

Снова думаю о февральских каникулах. Семейный отпуск — это либо самое худшее, что может случиться, либо самое лучшее; все зависит от того, с какой стороны посмотреть. Я хочу разобраться в муже, в самой себе. Что сделано, того не переделаешь, и сказанного назад не вернешь.

Сегодня я ничего исправить не могу. Вообще-то не только сегодня, а уже несколько недель. И с каждым днем мне страшнее и страшнее. Когда-то я совершенно искренне считала, что любовь способна исцелить все раны. Теперь понимаю — нет, не все.

Наверху останавливаюсь у комнаты Ри — проверить в последний раз. Осторожно приоткрываю дверь. Заглядываю. Из сумрака на меня смотрят желтые глаза Мистера Смита. Он не встает, и я его понимаю. Сцена такая спокойная: Ри свернулась калачиком под цветастым, розовым с зеленым, одеялом, во рту палец, из-под простыни выбивается прядка черных волос. Она снова кажется маленькой, словно я родила ее только вчера; а ведь четыре года пролетели, и она уже сама одевается, сама ест, да еще излагает нам свои взгляды на жизнь...

Думаю, я люблю ее.

И еще я думаю, что любовь — не вполне подходящее слово для того чувства, что живет в моей груди.

Закрываю тихонько дверь, иду в свою спальню и ложусь, укрываясь сине-зеленым свадебным одеялом.

Дверь приоткрыта — для дочери. Свет в прихожей — для Джейсона.

Вечерний ритуал завершен. Всё как всегда. Всё как надо.

Лежу на боку, подушка между коленей, рука на бедре. Смотрю в никуда. Я жутко устала и вымоталась, и мне не хватает Джейсона, но в то же время я понимаю, что так оно лучше, и мне нужно понять, просчитать что-то, да только понятия не имею, что.

Я люблю дочь. Люблю мужа.

Какая я глупая.

Я помню что-то, о чем не думала уже несколько месяцев. Этот обрывок — не столько память, сколько запахи: розовые лепестки, смятые, раздавленные, гниющие за окном спальни под южным жаром. По темному коридору плывет мамин голос: «Я знаю что-то, чего не знаешь ты».

— Шии, — шепчу я, прижимая руку к животу. Я слишком много думаю о том, что долгое время, большую часть жизни, старалась забыть.

— Шии, — шепчу я снова.

И в этот момент снизу, от подножия лестницы, доносится звук...

В последние мгновения того мира, каким я его знаю...

Я бы хотела сказать, что услышала крик совы в темноте. Или увидела перепрыгнувшую через забор кошку. Или почувствовала, как шевелятся волоски на шее.

Я и хотела бы сказать, что увидела опасность и сражалась до последнего. В конце концов, кому, как не мне, знать, насколько легко любовь может обернуться ненавистью, желание — одержимостью...

Но я не увидела. Правда. Не увидела.

И когда его лицо материализовалось в дверном проеме спальни, моей первой мыслью было, что он так же красив, как и тогда, когда мы встретились в первый

раз, и что меня так же тянет провести пальцами по его подбородку, зарыться ими в его волнистые волосы...

Потом, увидев то, что он держал в руке, я сказала себе, что не должна кричать и что должна защищать мою милую, драгоценную доченьку, спящую в своей комнате дальше по коридору.

Он вошел в спальню. Поднял руки.

Клянусь, я не издала ни звука.

ГЛАВА 2 ■

Детектив-сержант Ди-Ди Уоррен любила хороший «шведский стол». За долгие годы у нее выработалась четкая стратегия. Ступень первая — салатный бар. Ее нельзя было назвать большой любительницей кочанного салата, но когда тебе за тридцать и ты трудоголик-одиночка, отсутствие или присутствие в холодильнике скоропортящихся продуктов беспокойства уже не вызывает. Так что да, первый заход обычно включал какую-то зелень, а иначе, с учетом ее режима питания, она бы точно заработала цингу.

Ступень вторая — тонко нарезанное мясо. Индюшати-на вполне годится. Еще лучше ветчина. Ростбиф средней прожарки — на уровне золотой медали. Вишнево-красный в серединке, обильно истекающий кровью — вот ее выбор. Если мясо на тарелке не подпрыгивало, когда Ди-Ди тыкала его вилкой, кто-то на кухне заслуживал обвинения в преступлении против говядины. Хотя, конечно, она все равно бы его съела. Когда имеешь дело со «шведским столом», высоких стандартов ждать не приходится.

Итак, немного салата, потом тонкий, средней прожарки ростбиф. Тут какой-нибудь безмозглый идиот набросал бы к мясу картошечки... Никогда! Куда лучше взять в пару к ростбифу жаренную в панировочных сухарях пик-

шу, две-три запеченные фаршированные устрицы и, конечно, охлажденные креветки. Можно еще подумать об овощном соте или овощной запеканке с хрустким жареным лучком сверху... Да, вот это и есть еда.

Разумеется, очень важная часть шведского стола — десерт. Чизкейки здесь попадают в ту же категорию, что и картофель с пастой, — грубейшая ошибка, не допускайте ее! Лучше начать с пудинга или фруктового криспа. И, конечно, оставьте место для желе или, если уж на то пошло, шоколадного мусса. И крем-брюле. Посыпьте малиной — и получите динамит.

Да, от крем-брюле она бы не отказалась.

К сожалению, часы показывали лишь семь утра, и единственным в лофте¹ в Норт-Энде, что с натяжкой можно было назвать едой, являлся пакетик с мукой.

Ди-Ди повернулась с боку на бок. В животе заурчало, и она попыталась притвориться, что проголодался только он.

Утро за окнами казалось серым. Еще одно морозное мартовское утро. В любое другое Ди-Ди была бы уже на ногах и двигалась в управление, но накануне она подвела черту под напряженным двухмесячным расследованием по случаю стрельбы, в результате которой погибли перспективный наркодилер и женщина, проходившая мимо с двумя детьми. Произошло это в трех кварталах от полицейского отдела Роксбери, где данное обстоятельство сочли вызовом. Пресса тогда будто с катушек слетела. Местные жители выходили на ежедневные пикеты, требуя безопасности на улицах.

Суперинтендант тут же сформировал мощную оперативную группу во главе, разумеется, с Ди-Ди, потому что

¹ Лофт — переоборудованная под жилье, мастерскую или офисное помещение верхняя часть здания промышленного назначения.

хорошенькую блондинку никогда не встретят с тем же неодобрением, как еще одно чучело в костюме.

Ди-Ди не стала возражать. Черт возьми, да она жила ради этого. Вспышки фотоаппаратов, бьющиеся в истерике граждане, красномордые полицейские — давайте их всех сюда. Она выдержала публичную порку, вернулась к своей группе и за закрытой дверью задала такого жару, что они готовы были землю рыть. Какой-то кретин решил, что может устроить бойню в ее смену? Ну уж нет.

Они составили списки подозреваемых и взялись за дело всерьез. А через шесть недель снесли двери какого-то склада в порту и под вспышками камер выволокли из темного угла того, кого искали.

На целых двадцать четыре часа Ди-Ди и ее команда стали героями, но все знали — рано или поздно появится очередной придурок, и картина повторится. Так уж устроен мир. Просрался, подтерся, смысл. Снова просрался.

Она вздохнула, покрутилась туда-сюда, провела ладонью по дорогущим немнущимся простыням и снова вздохнула. Надо вылезать. Принять душ. Заняться наконец стиркой и навести порядок в том бардаке, в который превратилось ее жилище.

Мысли снова повернули к «шведскому столу». И сексу. Жаркому, потному, безжалостному. Чтобы под ладонями твердая, как камень, задница. Чтобы бедра в стальном зажиме рук. Чтобы огонь меж ног и пальцы рвали в клочья белые прохладные простыни.

Будь оно все проклято... Ди-Ди отбросила одеяло и вышла из спальни — в футболке и трусиках и с легкой горячкой сексуальной фрустрации.

Так. Прибраться в квартире. Потом пробежка. И дюжина пончиков.

Она прошла в кухню, достала из морозильника банку кофейных зерен, отыскала кофемолку и взялась за работу.

Господи, ей ведь уже тридцать восемь. Трудоголик до мозга костей с пожизненным клеймом «следака». Одиночество грызет? Ни здоровяка-мужа под боком, ни детишек под ногами? Что ж, менять правила слишком поздно.

Женщина засыпала свежемолотый кофе в золотой фильтр и щелкнула кнопкой. Ожившая итальянская машина ответила ревом. Заполнивший комнату аромат подействовал успокаивающе. Она взяла молоко и приготовилась сделать пенку.

Лофт в Норт-Энде Ди-Ди купила три месяца назад. Для копа слишком роскошно, но какая была радость взорвать бостонский рынок кондо! Застройщики соорудили, а рынок не пришел. Зато у работяг вроде Ди-Ди появился шанс урвать кусочек хорошей жизни. Место ей нравилось. Открытое, просторное, минималистское. Находясь дома, она думала, что должна проводить здесь больше времени. Больше не получалось, но мысли такие были.

Приготовив латте, Ди-Ди подошла к окнам, выходящим на оживленную боковую улицу. Возбуждение еще не улеглось. Ей нравился этот вид. Люди внизу спешили по своим делам, решали проблемы, и никто из них не видел ее, не беспокоился о ней, ничего от нее не хотел. Она не на службе, но жизнь все равно продолжается. Неплохой урок для такой женщины, как Ди-Ди.

Она сдула в сторону пенку, сделала несколько глотков и почувствовала, как распустился немного узел напряжения.

Не надо было ходить на свадьбу. Вот в чем дело. Женщине ее возраста следует бойкотировать свадьбы и детские вечеринки.

Черт бы побрал Бобби Доджа... У него даже дух перехватило при чтении брачной клятвы. И Аннабель расплакалась. А как чудно она выглядела в открытом белом платье... И собачка Белла... как она шла по проходу с двумя золотыми кольцами, подвешенными к ошейнику с гро-

мадным бантом... Ну как можно не расчувствоваться, когда такое происходит? Особенно когда пошла музыка и все танцевали под «Наконец» Этты Джеймс. Все, кроме тебя, разумеется, потому что ты так заработалась, что даже пару себе не нашла.

Ди-Ди отхлебнула еще латте, посмотрела вниз, на кипящую суету маленьких жизней, и нахмурилась.

Бобби Додж женился. В этом все дело. Нашел себе кого-то лучше, и вот теперь он женат, а она...

Черт, ей надо, надо с кем-то переспать.

Ди-Ди только-только зашнуровала кроссовки, как зазвонил сотовый. Она посмотрела на номер, нахмурилась и поднесла телефон к уху.

— Сержант Уоррен, — четко и ясно.

— Доброе утро, сержант. Детектив Брайан Миллер, дистрикт Си-6. Извините за беспокойство.

Ди-Ди пожалала плечами, ожидая продолжения, но когда его не последовало, добавила сама:

— Чем могу помочь, детектив Миллер?

— Ну... у меня тут такая ситуация... — Миллер снова умолк, как будто потерял голос. Ди-Ди ждала.

Дистрикт С-6 был отделением Бостонского управления полиции, в зоне ответственности которого находился и Южный Бостон. Будучи сержантом отдела убийств, Ди-Ди работала с тамошними детективами не слишком часто. Да и убийств в Южном Бостоне случалось не слишком много. Кражи, проникновения со взломом, ограбления — да. Убийства — редко.

— Дежурный диспетчер принял звонок в пять утра, — заговорил наконец детектив Миллер. — Муж сообщил, что пришел домой и обнаружил отсутствие жены.

Ди-Ди вскинула бровь и опустилась на стул.

— Пришел домой в пять утра?